

Козьма Прутков
ИЗБРАННОЕ

Козьма Прутков — самый уникальный сатирик 19 века, насмеявшийся над нравами и устоями своей эпохи и раздававший запоминающиеся звонкие оплеухи общественному вкусу. Необычность Козьмы Пруткова проявилась не только в стиле и содержании его произведений. Этот выдающийся человек сам является одним из наиболее замечательных литературных вымыслов: его родословная, биография и творчество полностью придуманы несколькими оригинальными писателями — братьями Жемчужниковыми, Петром Ершовым и Алексеем Толстым.

Книга включает сборники «Досуги» и «Пух и перья», содержащие самые острые бессмертные афоризмы, общественно-политические проекты, пародийные стихотворения и басни Козьмы Пруткова.

Также в книгу вошли «Выдержки из записок моего деда» — анекдотические случаи и «гисторические материалы», доказывающие, что дед Козьмы Пруткова обладал не меньшими литературными дарованиями, чем его выдающийся внук, биографические сведения о личности и жизненных вехах Пруткова-младшего, краткий некролог на его смерть, а также уникальное посмертное произведение, продиктованное им во время спиритического сеанса.

Козьма Прутков

Избранное

Биографические сведения о Козьме Пруткове

Козьма Петрович Прутков провел всю свою жизнь, кроме годов детства и раннего отрочества, в государственной службе: сначала по военному ведомству, а потом по гражданскому. Он родился 11 апреля 1803 г.; скончался 13 января 1863 г.

В «Некрологе» и в других статьях о нем было обращено внимание на следующие два факта: во-первых, что он помечал все свои печатные прозаические статьи 11-м числом апреля или иного месяца; и во-вторых, что он писал свое имя: Козьма, а не Кузьма. Оба эти факта верны; но первый из них истолковывался ошибочно. Полагали, будто он, помечая свои произведения 11-м числом, желал ознаменовать каждый раз день своего рождения; на самом же деле он ознаменовывал такую пометою не день рождения, а свое замечательное сновидение, вероятно только случайно совпавшее с днем его рождения и имевшее влияние на всю его жизнь. Содержание этого сновидения рассказано далее, со слов самого Козьмы Пруткова. Что же касается способа писания

им своего имени, то в действительности он писался даже не «Козьма», но Косьма, как знаменитые его соименники: Косьма и Дамиан, Косьма Минин, Косьма Медичи и немногие подобные.

В 1820 г. он вступил в военную службу, только для мундира, и пробыл в этой службе всего два года с небольшим, в гусарах. В это время и привиделся ему вышеупомянутый сон. Именно: в ночь с 10 на 11 апреля 1823 г., возвратясь поздно домой с товарищеской попойки и едва прилегши на койку, он увидел перед собой голого бригадного генерала, в эполетах, который, подняв его с койки за руку и не дав ему одеться, повлек его молча по каким-то длинным и темным коридорам, на вершину высокой и остроконечной горы, и там стал вынимать перед ним из древнего склепа разные драгоценные материи, показывая их ему одну за другою и даже прикидывая некоторые из них к его продрогшему телу. Прутков ожидал с недоумением и страхом развязки этого непонятого события; но вдруг от прикосновения к нему самой дорогой из этих материй он ощутил во всем теле сильный электрический удар, от которого проснулся весь в испарине. Неизвестно, какое значение придавал Козьма Петрович Прутков этому видению. Но, часто рассказывая о нем впоследствии, он всегда приходил в большое волнение и заканчивал свой рассказ громким возгласом: «В то же утро, едва

проснувшись, я решил оставить полк и подал в отставку; а когда вышла отставка, я тотчас определился на службу по министерству финансов, в Пробирную Палатку, где и останусь навсегда!»

Действительно, вступив в Пробирную Палатку в 1823 г., он оставался в ней до смерти, т. е. до 13 января 1863 года. Начальство отличало и награждало его. Здесь, в этой Палатке, он удостоился получить все гражданские чины, до действительного статского советника включительно, и наивысшую должность: директора Пробирной Палатки; а потом — и орден св. Станислава 1-й степени, который всегда прельщал его, как это видно из басни «Звезда и брюхо».

Вообще он был очень доволен своею службою. Только в период приготовления реформ прошлого царствования он как бы растерялся. Сначала ему казалось, что из-под него уходит почва, и он стал роптать, повсюду крича о рановременности всяких реформ и о том, что он «враг всех так называемых вопросов!». Однако потом, когда неизбежность реформ сделалась несомненною, он сам старался отличиться преобразовательными проектами и сильно негодовал, когда эти проекты его браковали по их очевидной несостоятельности. Он объяснял это завистью, неуважением опыта и заслуг и стал впадать в уныние, даже приходил в отчаяние. В

один из моментов такого мрачного отчаяния он написал мистерию: «Сродство мировых сил», впервые печатаемую в настоящем издании и вполне верно передающую тогдашнее болезненное состояние его духа ¹. Вскоре, однако, он успокоился, почувствовал вокруг себя прежнюю атмосферу, а под собою — прежнюю почву. Он снова стал писать проекты, но уже стеснительного направления, и они принимались с одобрением. Это дало ему основание возвратиться к прежнему самодовольству и ожидать значительного повышения по службе. Внезапный нервный удар, постигший его в директорском кабинете Пробырной Палатки, при самом отправлении службы, положил предел этим надеждам, прекратив его славные дни. В настоящем издании помещено в первый раз его «Предсмертное» стихотворение, недавно найденное в секретном деле Пробырной Палатки.

Но как бы ни были велики его служебные успехи и достоинства, они одни не доставили бы ему даже сотой доли той славы, какую он приобрел литературного своею деятельностью. Между тем он пробыл в государственной службе (считая

---

¹ В таком же состоянии духа он написал стихотворение «Перед морем житейским», тоже впервые печатаемое в настоящем издании

гусарство) более сорока лет, а на литературном поприще действовал гласно только пять лет (в 1853 — 54 и в 1860-х годах).

До 1850 г., именно до случайного своего знакомства с небольшим кружком молодых людей, состоявшим из нескольких братьев Жемчужниковых и двоюродного их брата, графа Алексея Константиновича Толстого, — Козьма Петрович Прутков и не думал никогда ни о литературной, ни о какой-либо другой публичной деятельности. Он понимал себя только усердным чиновником Пробринной Палатки и далее служебных успехов не мечтал ни о чем. В 1850 г. граф А. К. Толстой и Алексей Михайлович Жемчужников, не предвидя серьезных последствий от своей затеи, вздумали уверить его, что видят в нем замечательные дарования драматического творчества. Он, поверив им, написал под их руководством комедию «Фантазия», которая была исполнена на сцене С. — Петербургского Александрийского театра, в высочайшем присутствии, 8 января 1851 г., в бенефис тогдашнего любимца публики, г. Максимова 1-го. В тот же вечер, однако, она была изъята из театрального репертуара, по особому повелению; это можно объяснить только своеобразностью сюжета и дурною игрою актеров.

Она впервые печатается лишь теперь.

Эта первая неудача не охладила начинавшего писателя ни к его новым приятелям, ни к литературному поприщу. Он, очевидно, стал уже верить в свои литературные дарования. Притом упомянутый Алексей Жемчужников и брат его Александр ободрили его, склонив заняться сочинением басен. Он тотчас же возревновал славе И. А. Крылова, тем более, что И. А. Крылов тоже состоял в государственной службе и тоже был кавалером ордена св. Станислава 1-й степени. В таком настроении он написал три басни! «Незабудки и запятки», «Кондуктор и тарантул» и «Цапля и беговые дрожки»; они были напечатаны в журн. «Современник» (1851 г., кн. XI, в «Заметках Нового Поэта») и очень понравились публике. Известный литератор Дружинин поместил о них весьма сочувственную статью, кажется, в журнале «Библиотека для чтения».

Делая эти первые шаги в литературе, Козьма Петрович Прутков не думал, однако, предаться ей. Он только подчинялся уговариваниям своих новых знакомых. Ему было приятно убеждаться в своих новых дарованиях, но он боялся и не желал прослыть литератором; поэтому он скрывал свое имя перед публикою.

Первое свое произведение, комедию «Фантазия», он выдал на афише за сочинение каких-то «У и Z»; а свои первые три басни,

названные выше, он отдал в печать без всякого имени. Так было до 1852 г.; но в этом году совершился в его личности коренной переворот под влиянием трех лиц из упомянутого кружка: графа А. К. Толстого, Алексея Жемчужникова и Владимира Жемчужникова. Эти три лица завладели им, взяли его под свою опеку и развили в нем те типические качества, которые сделали его известным под именем Козьмы Пруткова. Он стал самоуверен, самодоволен, резок; он начал обращаться к публике «как власть имеющий»; и в этом своем новом и окончательном образе он беседовал с публикою в течение пяти лет, в два приема, именно: в 1853 — 54 годах, помещая свои произведения в журн. «Современник», в отделе «Ералаш», под общим заглавием: «Досуги Козьмы Пруткова»; и в 1860 — 64 годах, печатаясь в том же журнале в отделе «Свисток», под общим заглавием «Пух и перья (Daunen und Federn)». Кроме того, в течение второго появления его перед публикою некоторые его произведения (см. об этом в первой выноске настоящего очерка) были напечатаны в журн. «Искра» и одно в журн. «Развлечение», 1861 г., N 18. Промежуточные шесть лет, между двумя появлениями Козьмы Пруткова в печати, были для него теми годами томительного смущения и отчаяния, о коих упомянуто выше.

В оба свои кратковременные явлений в печати

Козьма Прутков оказался поразительно разнообразным, именно: и стихотворцем, и баснописцем, и историком (см. его «Выдержки из записок деда»), и философом (см. его «Плоды раздумья»), и драматическим писателем. А после его смерти обнаружилось, что в это же время он успевал писать правительственные проекты, как смелый и решительный администратор (см. его проект: «О введении единомыслия в России», напечатанный без этого заглавия, при его некрологе, в «Современнике», 1863 г., кн. IV). И во всех родах этой разносторонней деятельности он был одинаково резок, решителен, самоуверен. В этом отношении он был сыном своего времени, отличавшегося самоуверенностью и неуважением препятствий. То было, как известно, время знаменитого учения: «усердие все превозмогает». Едва ли даже не Козьма Прутков первый формулировал это учение в означенной фразе, когда был еще в мелких чинах? По крайней мере, оно находится в его «Плодах раздумья» под N 84. Верный этому учению и возбужденный своими опекунами, Козьма Прутков не усомнился в том, что ему достаточно только приложить усердие, чтобы завладеть всеми знаниями и дарованиями. Спрашивается, однако: 1) чему же обязан Козьма Прутков тем, что, при таких невысоких его качествах, он столь быстро приобрел и доселе

сохраняет за собою славу и сочувствие публики? и 2) чем руководились его опекуны, развив в нем эти качества?

Для разрешения этих важных вопросов необходимо вникнуть в сущность дела, «посмотреть в корень», по выражению Козьмы Пруткова; и тогда личность Козьмы Пруткова окажется столь же драматичною и загадочною, как личность Гамлета. Они обе не могут обойтись без комментариев, и обе внушают сочувствие к себе, хотя по различным причинам. Козьма Прутков был, очевидно, жертвою трех упомянутых лиц, сделавшихся произвольно его опекунами или клеветами. Они поступили с ним как «ложные друзья», выставляемые в трагедиях и драмах. Они, под личиною дружбы, развили в нем такие качества, которые желали осмеять публично. Под их влиянием он перенял от других людей, имевших успех: смелость, самодовольство, самоуверенность, даже наглость и стал считать каждую свою мысль, каждое свое писание и изречение — истиною, достойною оглашения. Он вдруг счел себя сановником в области мысли и стал самодовольно выставлять свою ограниченность и свое невежество, которые иначе остались бы неизвестными вне стен Пробырной Палатки. Из этого видно, впрочем, что его опекуны, или «ложные друзья», не придали ему никаких новых

дурных качеств: они только ободрили его и тем самым они вызвали наружу такие его свойства, которые таились до случая. Ободренный своими клеветами, он уже сам стал требовать, чтобы его слушали; а когда его стали слушать, он выказал такое самоуверенное непонимание действительности, как будто над каждым его словом и произведением стоит ярлык; «все человеческое мне чуждо».

Самоуверенность, самодовольство и умственная ограниченность Козьмы Пруткова выразились особенно ярко в его «Плодах раздумья», т. е. в его «Мыслях и афоризмах». Обыкновенно форму афоризмов употребляют для передачи выводов житейской мудрости; но Козьма Прутков воспользовался ею иначе. Он в большей части своих афоризмов или говорит с важностью «казенные» пошлости, или вламывается с усилием в открытые двери, или высказывает такие «мысли», которые не только не имеют соотношения с его временем и страной, но как бы находятся вне всякого времени и какой бы ни было местности. При этом в его афоризмах часто слышится не совет, не наставление, а команда. Его знаменитое «Бди!» напоминает военную команду: «Пли!» Да и вообще Козьма Прутков высказывался так самодовольно, смело и настойчиво, что заставил уверовать в свою мудрость. По пословице: «смелость города берет»,

Козьма Прутков завоевал себе смелостью литературную славу. Будучи умственно ограниченным, он давал советы мудрости; не будучи поэтом, он писал стихи и драматические сочинения; полагая быть историком, он рассказывал анекдоты, не имея ни образования, ни хотя бы малейшего понимания потребностей отечества, он сочинял для него проекты управления. — «Усердие все превозмогает!..»

Упомянутые трое опекунов Козьмы Пруткова заботливо развили в нем такие качества, при которых он оказывался вполне ненужным для своей страны; и, рядом с этим, они безжалостно обобрали у него все такие, которые могли бы сделать его хотя немного полезным. Присутствие первых и отсутствие вторых равно комичны, а как при этом в Козьме Пруткове сохранилось глубокое, прирожденное добродушие, делающее его невинным во всех выходках, то он оказался забавным и симпатичным. В этом и состоит драматичность его положения. Поэтому он и может быть справедливо назван жертвою своих опекунов: он бессознательно и против своего желания забавлял, служа их целям. Не будь этих опекунов, он едва ли решился бы, пока состоял только в должности директора Пробирной Палатки, так откровенно, самоуверенно и самодовольно разоблачиться перед публикою.

Но справедливо ли укорять опекунов Козьмы Пруткова за то, что они выставили его с забавной стороны? Ведь только через это они доставили ему славу и симпатию публики; а Козьма Прутков любил славу. Он даже печатно отвергал справедливость мнения, будто «слава — дым». Он печатно сознавался, что «хочет славы», что «слава тешит человека». Опекуны его угадали, что он никогда не поймет комичности своей славы и будет ребячески наслаждаться ею.

И он действительно наслаждался своею славою с увлечением, до самой своей смерти, всегда веря в необыкновенные и разнообразные свои дарования. Он был горд собою и счастлив: более этого не дали бы ему самые благонамеренные опекуны.

Слава Козьмы Пруткова установилась так быстро, что в первый же год своей гласной литературной деятельности (в 1853 г.) он уже занялся приготовлением отдельного издания своих сочинений с портретом. Для этого были тогда же приглашены им трое художников, которые нарисовали и перерисовали на камень его портрет, отпечатанный в том же 1853 году, в литографии Тюлина, в значительном количестве экземпляров².

---

² Художники эти — тогдашние ученики Академии художеств, занимавшиеся и жившие вместе: Лев Михайлович

Тогдашняя цензура почему-то не разрешила выпуска этого портрета; вследствие этого не состоялось и все издание. В следующем году оказалось, что все отпечатанные экземпляры портрета, кроме пяти, удержанных издателями тотчас по отпечатании, пропали, вместе с камнем, при перемене помещения литографии Тюлина в 1854 г. в новом помещении литографии. Впоследствии некоторые лица приобрели эти пропавшие экземпляры покупкой на Апраксином дворе; вот почему при настоящем издании приложена фотогилотипная копия, в уменьшенном формате, с одного из уцелевших экземпляров того портрета, а не подлинные оттиски.

Дорожа памятью о Козьме Пруткове, нельзя не указать и тех подробностей его наружности и одежды, коих передачу в портрете он вменял художникам в особую заслугу; именно: искусно подвитые и включенные, каштановые, с проседью, волоса; две бородавочки: одна вверху правой стороны лба, а другая вверху левой скулы; кусочек

Жемчужников, Александр Егорович Вейдеман и Лев Феликсович Лагорио. Подлинный их рисунок сохранился до сих пор у Л. М. Жемчужникова. Упоминаемая здесь литография Тюлина находилась в С.-Петербурге на Васильевском острове по 5-й линии, против Академии художеств

черного английского пластыря на шее, под правую скулой, на месте постоянных его бритвенных порезов; длинные, острые концы рубашечного воротника, торчащие из-под цветного платка, повязанного на шее широкою и длинною петлею; плащ-альмавива, с черным бархатным воротником, живописно закинутый одним концом за плечо; кисть левой руки, плотно обтянутая белою замшевою перчаткою особого покроя, выставленная из-под альмавивы, с дорогими перстнями поверх перчатки (эти перстни были ему пожалованы при разных случаях).

Когда портрет Козьмы Пруткова был уже нарисован на камне, он потребовал, чтобы внизу была прибавлена лира, от которой исходят вверх лучи.

Художники удовлетворили это его желание, насколько было возможно в оконченном уже портрете; но в уменьшенной копии с портрета, приложенной к настоящему изданию, эти поэтические лучи, к сожалению, едва заметны.

Козьма Прутков никогда не оставлял намерения издать отдельно свои сочинения. В 1860 г. он даже заявил печатно (в журн. «Современник», в выноске к стихотворению «Разочарование») о предстоящем выходе их в свет; но обстоятельства мешали исполнению этого его намерения до сих пор. Теперь оно осуществляется,

между прочим, и для охранения типа и литературных прав Козьмы Пруtkова, принадлежащих исключительно литературным его образователям, поименованным в настоящем очерке.

Ввиду являвшихся в печати ошибочных указаний на участие в деятельности Козьмы Пруtkова разных других лиц, представляется нелишним повторить сведения о сотрудничестве их:

Во-первых: литературную личность Козьмы Пруtkова создали и разработали три лица, именно: граф Алексей Константинович Толстой, Алексей Михайлович Жемчужников и Владимир Михайлович Жемчужников.

Во-вторых: сотрудничество в этом деле было оказано двумя лицами, в определенном здесь размере, именно:

1) Александром Михайловичем Жемчужниковым, принимавшим весьма значительное участие в сочинении не только трех басен: «Незабудки и запятки», «Кондуктор и тарантул» и «Цапля и беговые дрожки», но также комедии «Блонды» и недоделанной комедии «Любовь и Силин» (см. о ней в начальной выноске), и

2) Петром Павловичем Ершовым, известным сочинителем сказки «Конек-горбунок», которым

было доставлено несколько куплетов, помещенных во вторую картину оперетты: «Черепослов, сиречь Френолог»³.

И в-третьих: засим, никто — ни из редакторов и сотрудников журнала «Современник», ни из всех прочих русских писателей — не имел в авторстве Козьмы Пруткова ни малейшего участия.

13 января 1884 г.

---

³ П. П. Ершов лично передал эти куплеты В. М. Жемчужникову в Тобольске, в 1854 г., заявив желание: «Пусть ими воспользуется Козьма Прутков, потому что сам я уже ничего не пишу». Кстати заметить: в биографии П. П. Ершова, напечатанной г. Ярославцевым в 1872 г., на стр. 49 помещен отрывок из письма Ершова от 5 марта 1837 г., в котором он упоминает о «куплетцах» для водевиля «Черепослов», написанного приятелем его «Ч-жовым». Не эти ли «куплетцы» и были в 1854 г. переданы П. П. Ершовым? При них было и заглавие «Черепослов».

«Досуги» и «Пух и перья»⁴

Предисловие⁵

Читатель, вот мои «Досуги»... Суди беспристрастно! Это только частица написанного. Я пишу с детства. У меня много неконченного (d'inachevé). Издаю пока, отрывок. Ты спросишь: Зачем? Отвечаю: я хочу славы. — Слава тешит человека. Слава, говорят, «дым»; это неправда. Я этому не верю!

Я поэт, поэт даровитый! Я в этом убедился; убедился, читая других: если они поэты, так и я тож!.. Суди, говорю, сам. Да суди беспристрастно. Я ищу справедливости; снисхождения не надо, я не прошу снисхожденья!..

Читатель, до свидания! Коли эти сочинения понравятся, прочтешь и другие.

Запас у меня велик, материалов много; нужен только зодчий, нужен архитектор; я хороший архитектор!

---

⁴ Заголовок «Досуги» и «Пух и перья» объединяет заглавия двух публикаций в 1854 («Литературный ералаш») и 1860 («Свисток»).

⁵ Впервые опубликовано в «Современнике», 1854, № 2.

Читатель прощай! Смотри же читай со вниманием, да не поминай лихом!

Твой доброжелатель — Козьма Прутков.

11 апреля 1853 г. (annus, i).

Письмо известного Козьмы Пруткова к неизвестному фельетонисту⁶

Фельетонист, я пробежал твою статейку в № 80 «С.-Петербургских ведомостей». Ты в ней упоминаешь обо мне; это ничего. Но ты в ней неосновательно хулишь меня! За это не похвалю, хотя ты, очевидно, домогаешься моей похвалы.

Ты утверждаешь, что я пишу пародии? Отнюдь!.. Я совсем не пишу пародий! Я никогда не писал пародий! Откуда ты взял, будто я пишу пародии? Я просто анализировал в уме своем большинство поэтов, имевших успех; этот анализ привел меня к синтезису; ибо дарования, рассыпанные между другими поэтами порознь, оказались совмещенными все во мне едином!.. Прийдя к такому сознанию, я решился писать.

---

⁶ Полное название — Письмо известного Козьмы Пруткова к неизвестному фельетонисту «С.-Петербургских ведомостей» (1854 г.) по поводу статьи сего последнего, впервые — в «Современнике», 1854, № 6.

Решившись писать, я пожелал славы. Пожелав славы, я избрал вернейший к ней путь: *подражание* именно тем поэтам, которые уже приобрели ее в некоторой степени. Слышишь ли? — «подражание», а не пародию!.. Откуда же ты взял, будто я пишу пародии?!

В этом направлении написан мною и «Спор древних греческих философов об изящном». Как же ты, фельетонист, уверяешь, будто для него «нет образца в современной литературе»? Я, твердый в своем направлении, как кремень, не мог бы и написать этот «Спор», если бы не видел для него «образца в современной литературе»!.. Тебе показалась устарелой *форма* этого «Спора»; и тут не так! Форма самая обыкновенная, разговорная, драматическая, вполне соответствующая этому, истинно драматическому, моему созданию!.. Да и где ты видел, чтобы драматические произведения были написаны не в разговорной форме?!

Затем ты, подобно другим, приписываешь, кажется, моему перу и «Гномов» и прочие «Сцены из обыденной жизни»? О, это жестокая ошибка! Ты вчитайся в оглавление, вникни в мои произведения и тогда поймешь, как дважды два четыре: что в «Ералаши» мое и что не мое!..

Послушай, фельетонист! — я вижу по твоему слогу, что ты еще новичок в литературе, однако ты уже успел набить себе руку; это хорошо! Теперь

тебе надо добиваться славы; слава тешит человека!.. Слава, говорят, «дым», но это неправда! Ты не верь этому, фельетонист! — Итак, во имя литературной твоей славы, прошу тебя: не называй вперед моих произведений пародиями! Иначе я тоже стану уверять, что все твои фельетоны не что иное, как пародии; ибо они как две капли воды похожи на все прочие газетные фельетоны!

Между моими произведениями, напротив, не только нет пародий, но даже не всё подражание; а есть настоящие, неподдельные и крупные самородки!.. Вот ты так пародируешь меня, и очень неудачно! Напр., ты говоришь: «Пародия должна быть направлена против чего-нибудь, имеющего более или *менее* (!) серьезный смысл; иначе она будет пустою забавою». Да это прямо из моего афоризма: «Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою!..»

В написанном небрежно всегда будет много недосказанного, неконченного (*d'inachevé*).

Твой доброжелатель, *Козьма Прутков*.

Стихотворения

МОЙ ПОРТРЕТ

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг⁷;
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг;
Кого власы подъяты в беспорядке;
Кто, вопия,
Всегда дрожит в нервическом припадке, —
Знай: это я!
Кого язвят со злостью вечно новой,
Из рода в род;
С кого толпа венец его лавровый
Безумно рвет;
Кто ни пред кем спины не клонит гибкой, —
Знай: это я!..
В моих устах спокойная улыбка,
В груди — змея!

---

⁷ Вариант: «На моем фраке». Примечание К. Прутков

НЕЗАБУДКИ И ЗАПЯТКИ

Басня 8

Трясаясь Пахомыч на запятках,
Пук незабудок вез с собой;
Мозоли натерев на пятках,
Лечил их дома камфарой.
Читатель! в басне сей откинув незабудки,
Здесь помещенные для шутки,
Ты только это заключи:
Коль будут у тебя мозоли,
То, чтоб избавиться от боли,
Ты, как Пахомыч наш, их камфарой лечи.

---

8 Басни Пруткова столь же мало похожи на басни в обычном значении этого слова, как его афоризмы на народные изречения. У Пруткова сохраняется только внешняя форма басни. По существу, это шуточное стихотворение, сущность которого не в аллегории и следующей из нее морали, а в смешной нелепости содержания, остроумном соединении несопоставимых понятий — алогизме. Алогизм — один из основных приемов комического изображения Пруткова, — наряду с пародией и гротеском, — который применяется в афоризмах, баснях и «исторических» анекдотах. Некоторые басни Пруткова имеют сатирический смысл, в них высмеиваются невежды-помещики и приверженность дворянским сословным привилегиям («Помещик и садовник», «Цапля и беговые дрожки»).

ЧЕСТОЛЮБИЕ

Дайте силу мне Самсона;
Дайте мне Сократов ум;
Дайте легкие Клеона,
Оглашавшие форум;
Цицерона красноречье,
Ювеналовскую злость,
И Эзопово увечье,
И магическую трость!
Дайте бочку Диогена;
Ганнибалов острый меч,
Что за славу Карфагена
Столько вый отсек от плеч!
Дайте мне ступню Психеи,
Сапфы женственной стишок,
И Аспазьины затеи,
И Венерин поясок!
Дайте череп мне Сенеки;
Дайте мне Вергильев стих —
Затряслись бы человеки
От глаголов уст моих!
Я бы, с мужеством Ликурга,
Озираясь кругом,
Стогны все Санкт-Петербурга
Потрясал своим стихом!
Для значения инова

Я исхитил бы из тьмы
Имя славное Пруткова,
Имя громкое Козьмы!

КОНДУКТОР И ТАРАНТУЛ

Басня

В горах Гишпании тяжелый экипаж
С кондуктором отправился в вояж.
Гишпанка, севши в нем, немедленно заснула;
А муж ее меж тем, увидя тарантула,
Вскричал: «Кондуктор, стой!
Приди скорей! ах, боже мой!»
На крик кондуктор поспешает
И тут же веником скотину выгоняет,
Примолвив: «Денег ты за место не платил!» —
И тотчас же- его пятою раздавил.
Читатель! разочти вперед свои депансы⁹,
Чтоб даром не дерзать садиться в дилижансы,
И норови, чтобы отнюдь
Без денэг не пускаться в путь;
Не то случится и с тобой, что с насекомым,
Тебе знакомым.

---

⁹ Издержки, расходы (от франц. *depenses*).

ПОЕЗДКА В КРОНШТАДТ

*Посвящено сослуживцу моему по
министерству финансов, г. Бенедиктову*

Пароход летит стрелою,
Грозно мелет волны в прах
И, дымя своей трубою,
Режет след в седых волнах.
Пена клубом. Пар клокочет.
Брызги перлами летят.
У руля матрос хлопочет.
Мачты в воздухе торчат.
Вот находит туча с юга,
Все чернее и черней...
Хоть страшна на суше вьюга,
Но в морях еще страшней!
Гром гремит, и молнии блещут.
Мачты гнутся, слышен треск...
Волны сильно в судно хлещут...
Крики, шум, и вопль, и плеск!
На носу один стою я¹⁰,

---

¹⁰ Здесь, конечно, разумеется нос парохода, а не поэта; читатель сам мог бы догадаться об этом. Примечание К. Пруtkова

И стою я, как утес.
Морю песни в честь пою я,
И пою я не без слез.
Море с ревом ломит судно.
Волны пенятся кругом.
Но и судну плыть нетрудно
С Архимедовым винтом.
Вот оно уж близко к цели.
Вижу, — дух мой объял страх!
Ближний след наш еле-еле,
Еле видится в волнах...
А о дальнем и помину,
И помину даже нет;
Только водную равнину,
Только бури вижу след!..
Так подчас и в нашем мире:
Жил, писал поэт иной,
Звучный стих ковал на лире
И — исчез в волне мирской!..
Я мечтал. Но смолкла буря;
В бухте стал наш пароход.
Мрачно голову понуря,
Зря на суетный народ:
«Так, — подумал я, — на свете
Меркнет светлый славы путь;
Ах, ужель я тоже в Лете
Утону когда-нибудь?!»

МОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Гуляю ль один я по Летнему саду¹¹,
В компанье ль с друзьями по парку хожу,
В тени ли березы плакучей присяду,
На небо ли молча с улыбкой гляжу —
Все дума за думой в главе неисходно,
Одна за другою докучной чредой,
И воле в противность и с сердцем несходно,
Теснятся, как мошки над теплой водой!
И, тяжело страдая душой безутешной,
Не в силах смотреть я на свет и людей:
Мне свет представляется тьмою кромешной;
А смертный — как мрачный, лукавый
злодей!
И с сердцем незлобным и с сердцем
смирненным,
Покорствуя думам, я делаюсь горд;
И бью всех и раню стихом вдохновенным,
Как древний Атилла, вождь дерзостных
орд...

---

¹¹ Считаю нужным объяснить для русских провинциалов и для иностранцев, что здесь разумеется так называемый «Летний сад» в С.-Петербурге. Примечание К. Пруткова.

И кажется мне, что тогда я главою
Всех выше, всех мощью духовной сильней,
И кружится мир под моею пятою,
И делаюсь я все мрачней и мрачней!..
И, злобы исполнясь, как грозная туча,
Стихами я вдруг над толпою прольюсь:
И горе подпавшим под стих мой могучий!
Над воплем страданья я дико смеюсь.

ЦАПЛЯ И БЕГОВЫЕ ДРОЖКИ

Басня

На беговых помещик ехал дрожках.
Летела цапля; он глядел.
«Ах! почему такие ножки
Мне Зевес не дал в удел?»
А цапля тихо отвечает:
«Не знаешь ты, Зевес то знает!»
Пусть баснь сию прочтет всяк строгий

семьянин:

Коль ты татаринoм рожден, так будь татарин;
Коль мещанином — мещанин,
А дворянином — дворянин.
Но если ты кузнец и захотел быть барин,
То знай, глупец,
Что, наконец,

Не только не дадут тебе те длинные ножки,
Но даже отберут коротенькие дрожки.

ЮНКЕР ШМИДТ

Вянет лист. Проходит лето.
Иней серебрится...
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.
Погоди, безумный, снова
Зелень оживится!
Юнкер Шмидт! честное слово,
Лето возвратится!

РАЗОЧАРОВАНИЕ¹²

Я. П. Полонскому

Поле. Ров. На небе солнце.
А в саду, за рвом, избушка.
Солнце светит. Предо мною

---

¹² Прутков пародирует стихотворение Я. П. Полонского «Финский берег».

Книга, хлеб и пива кружка.
Солнце светит. В клетках птички.
Воздух жаркий. Вкруг молчанье.
Вдруг проходит прямо в сена
Дочь хозяйкина, Маланья.
Я иду за нею следом.
Выхожу я также в сенцы;
Вижу: дочка на веревке
Расстилает полотенцы.
Говорю я ей с упреком:
«Что ты мыла? не жилет ли?
И зачем на нем не шелком,
Ниткой ты подшила петли?»
А Маланья, обернувшись,
Мне со смехом отвечала:
Ну так что ж, коли не шелком?
Я при вас ведь подшивала!»
И затем пошла на кухню.
Я туда ж за ней вступаю.
Вижу: дочь готовит тесто
Для обеда к караваю.
Обращаюсь к пей с упреком:
«Что готовишь? не творог ли?»
«Тесто к караваю». — «Тесто?»
«Да; вы, кажется, оглохли?»
И, сказавши, вышла в садик.
Я туда ж, взяв пива кружку.
Вижу: дочка в огороде

Рвет созревшую петрушку.
Говорю опять с упреком:
«Что нашла ты? уж не гриб ли?»
«Все болтаете пустое!
Вы и так, кажись, охрипли».
Пораженный замечаньем,
Я подумал: «Ах, Маланья!
Как мы часто детски любим
Недостойное вниманья!»

ЭПИГРАММА № 1

«Вы любите ли сыр?» — спросили раз ханжу.
«Люблю, — он отвечал, — я вкус в нем
нахожу».

ЧЕРВЯК И ПОПАДЬЯ

Басня 13

---

¹³ Эта басня, как и всё, впервые печатаемое в «Полн. собр. сочинений К.Пруткиова», найдена в оставшихся после его смерти сафьянных портфелях за номерами и с печатного волоченою надписью; «Сборник неоконченного (d'inacheve) N».

Однажды к попадье заполз червяк за шею;
И вот его достать велит она лакею.
Слуга стал шарить попадью...
«Но что ты делаешь?!» — «Я червяка давлю».
Ах, если уж заполз к тебе червяк за шею,
Сама его дави и не давай лакею.

АКВИЛОН¹⁴

В память г. Бенедиктову

С сердцем грустным, с сердцем полным
Дувр оставивши, в Кале
Я по ярым, гордым волнам
Полетел на корабле.
То был плаватель могучий,
Крутобедрый гений вод,
Трехмачтовый град пловучий,

---

¹⁴ Пародия на стих. Бенедиктова «Море». В своих стихах Прутков, оставаясь верным себе, пародировал запоздалый, эпигонский романтизм Бенедиктова, обнажая пустоту и бессодержательность цветистой лексики, пышных и вычурных фраз, за которыми не скрывалось настоящего поэтического чувства.

Стосаженный скороход.
Он, как конь донской породы,
Шею вытянув вперед,
Грудью сильной режет воды,
Грудью смелой в волны прет.
И, как сын степей безгранных,
Мчится он поверх пучин
На крылах своих пространных,
Будто влажный сарацин¹⁵.
Гордо волны попирает
Моря страшный властелин,
И чуть-чуть не достигает
Неба чудный исполин.
Но вот-вот уж с громом тучи
Мчит Борей с полнощных стран.
Укrotи свой бег летучий,
Вод соленых ветеран!..
Нет! гигант грозе не внемлет;
Не страшится он врага.
Гордо голову подъемлет,

---

¹⁵ Как справедливо отметил П. Н. Берков (см. «Полное собрание сочинений Козьмы Пруtkова». М. — Л., «Academia», 1933, с. 542), эта строка пародирует стих Бенедиктова «Пустыни влажной бедуин...», и, для того чтобы усилить бессмыслицу указанной строки Пруtkова, определение «влажный» отнесено не к «пустыне», а к «сарацину».

Вздулись верви и бока,
И бегун морей высокий
Волнорежущую грудь
Пялит в волны и широкий
Прорезает в море путь.
Восшумел Борей сердитый,
Раскипелся, восстал;
И, весь пеною облитый,
Набежал девятый вал.
Великан наш накренился,
Бортом воду зачерпнул;
Парус в море погрузился;
Богатырь наш потонул...
И страшный когда-то ристатель морей
Победную выю смиренно склоняет;
И с дикою злобой свирепый Борей
На жертву тщеславья взирает.
И мрачный, как мрачные севера ночи,
Он молвит, насупивши брови на очи:
«Все водное — водам, а смертное — смерти;
Все влажное — влагам, а твердое — тверди!»
И, послушные веленьям,
Ветры с шумом понеслись,
Парус сорвали в мгновенье;
Доски с трескам сорвались.
И все смертные уныли,
Сидя в страхе на досках,
И неволею поплыли,

Колыхаясь на волнах.
Я один, на мачте сидя,
Руки мощные скрестив,
Ничего кругом не видя,
Зол, спокоен, молчалив.
И хотел бы я во гневе,
Морю грозному в укор,
Стих, в моем созревшем чреве,
Изрыгнуть, водам в позор!
Но они с немой отвагой,
Мачту к берегу гоня,
Лишь презрительною влагой
Дерзко плещают в меня.
И вдруг, о спасенье своем помышляя,
Заметив, что боле не слышен уж гром,
Без мысли, но с чувством на влагу взирая,
Я гордо стал править веслом.

ЖЕЛАНИЯ ПОЭТА¹⁶

Хотел бы я тюльпаном быть,
Парить орлом по поднебесью,
Из тучи ливнем воду лить

---

¹⁶ Пародия на стихотворение А. С. Хомякова «Желание».

Иль волком выть по перелесью.
Хотел бы сделаться сосною,
Былинкой в воздухе летать,
Иль солнцем землю греть весною,
Иль в роще иволгой свистать.
Хотел бы я звездой теплиться,
Взирать с небес на дольний мир,
В потемках по небу скатиться,
Блестать, как яхонт иль сапфир.
Гнездо, как пташка, вить высоко,
В саду резвиться стрекозой,
Кричать совою одиноко,
Греть в ушах ночной грозой...
Как сладко было б на свободе
Свой образ часто так менять
И, век скитаясь по природе,
То утешать, то устрашать!

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

Как будто из Гейне

Помню я тебя ребенком,
Скоро будет сорок лет;
Твой передничек измятый,
Твой затянутый корсет.
Было в нем тебе неловко;

Ты сказала мне тайком:
«Распусти корсет мне сзади;
Не могу я бегать в нем».
Весь исполненный волнения,
Я корсет твой развязал...
Ты со смехом убежала,
Я ж задумчиво стоял.

РАЗНИЦА ВКУСОВ

Басня 17

Казалось бы, ну как не знать
Иль не слышать
Старинного присловья,
Что спор о вкусах — пустословье?
Однако ж раз, в какой-то праздник,
Случилось так, что с дедом за столом,
В собрании гостей большом,
О вкусах начал спор его же внук, проказник.
Старик, разгорячась, сказал среди обеда:

---

¹⁷ В первом издании (см. журн. «Современник», 1853 г.) эта басня была озаглавлена: «Урок внучатам», — в ознаменование действительного происшествия в семье Козьмы Пруtkова

«Щенок! тебе ль порочить деда?
Ты молод: все тебе и редька и свинина;
Глотаешь в день десяток дынь;
Тебе и горький хрен — малина,
А мне и бланманже — полынь!»
Читатель! в мире так устроено издавна:
Мы разнимся в судьбе,
Во вкусах и подавно;
Я это басней пояснил тебе.
С ума ты сходишь от Берлина;
Мне ж больше нравится Медынь.
Тебе, дружок, и горький хрен — малина,
А мне и бланманже — полынь.

ПИСЬМО ИЗ КОРИНФА¹⁸

*Древнее греческое.
Посвящено г. Щербине.*

Я недавно приехал в Коринф.
Вот ступени, а вот колоннада.

---

¹⁸ Пародия на стихотворение Н. Ф. Щербины (1821–1869) «Письмо» (из сборника «Греческие стихотворения Николая Щербины», Одесса, 1850) автора антологических стихотворений (написанных на древнегреческие темы).

Я люблю здешних мраморных нимф
И истмийского шум водопада.
Целый день я на солнце сижу.
Трусь елеем вокруг поясницы.
Между камней паросских слежу
За извивом слепой медяницы.
Померанцы растут предо мной,
И на них в упоенье гляжу я.
Дорог мне вожденный покой.
«Красота! красота!» — все твержу я.
А на землю лишь спустится ночь,
Мы с рабыней совсем обомлеем...
Всех рабов высылаю я прочь
И опять натираюсь елеем.

РОМАНС

На мягкой кровати
Лежу я один.
В соседней палате
Кричит армянин.
Кричит он и стонет,
Красотку обняв,
И голову клонит;
Вдруг слышно: пиф-паф!..
Упала девчина

И тонет в крови...
Донской казачина
Клянется в любви...
А в небе лазурном
Трепещет луна;
И с шнуром мишурным
Лишь шапка видна.
В соседней палате
Замолк армянин.
На узкой кровати
Лежу я один.

ДРЕВНИЙ ПЛАСТИЧЕСКИЙ ГРЕК

Люблю тебя, дева, когда золотистый
И солнцем оббитый ты держишь лимон,
И юноши зрю подбородок пушистый
Меж листьев аканфа и белых колонн.
Красивой хламиды тяжелые складки
Упали одна за другой...
Так в улье шумящем вокруг раненой матки
Снует озабоченный рой.

ПОМЕЩИК И САДОВНИК

Басня

Помещику однажды в воскресенье
Поднес презент его сосед.
То было некое растение,
Какого, кажется, в Европе даже нет.
Помещик посадил его в оранжерею;
Но как он сам не занимался ею
(Он делом занят был другим:
Вязал набрюшники родным),
То раз садовника к себе он призывает
И говорит ему: «Ефим!
Блюда особенно ты за растением сим;
Пусть хорошенько прозябает».
Зима настала между тем.
Помещик о своем растенье вспоминает
И так Ефима вопрошает:
«Что? хорошо ль растенье прозябает?»
«Изрядно, — тот в ответ, — прозябло уж
совсем!»
Пусть всяк садовника такого нанимает,
Который понимает,
Что значит слово «прозябает».

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

г. Аполлону Григорьеву, по поводу статей его

Толпой огромною стеснились в мой ум
Разнообразные, удачные сюжеты,
С завязкой сложною, с анализом души
И с патетичною, загадочной развязкой.
Я думал в «миртавой поэме» их развить,
В большом, посредственном иль в маленьком
масштабе.

И уж составил план. И к мирозерцанью
Высокому свой ум стараясь приучить,
Без задней мысли, я к простому понимаю
Обыденных основ стремился всей душой.
Но, верный новому в словесности ученью,
Другим последую, я навсегда отверг:
И личности протест, и разочарованье,
Теперь дешевое, и модный гаш дендизм,
И без основ борьбу, страданья без исхода,
И антипатии болезненной причуды!

А чтоб не впасть в абсурд, изгнал
экстравагантность...

Очистив главную творения идею

---

19 В этом стихотворном письме К. Прутков отдает добросовестный отчет в безуспешности приложения теории литературного творчества, настойчиво проповеданной г. Аполлоном Григорьевым в «Москвитяине»